
ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Л. Е. ГРИНИН

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ОСМАНСКОМ ЕГИПТЕ XVI–XVIII вв. И ТЕОРИЯ РАЗВИТОГО ГОСУДАРСТВА

Введение

Настоящая статья является в известной мере продолжением статьи «О стадиях эволюции государства. Проблемы теории», ранее опубликованной в «Истории и современности» (Гринин 2006а). В этой статье я доказывал, что известная стадийная схема Хенри Й. М. Классена и Питера Скальника *раннее государство – зрелое государство* является неполной, поскольку игнорирует принципиальные различия между государствами индустриальной и доиндустриальной эпох¹. Некоторые исследователи, напротив, в процессе эволюции государственности выделяют только доиндустриальный и индустриальный типы государства (например: Cohen 1978). Но в этом случае не учитывается огромная разница между бюрократическими и небюрократическими аграрными государствами. Исходя из этого, я предложил трехстадийную модель эволюции государст-

¹ Условно говоря, эта концепция делила все государства на ранние, то есть с недостаточно развитыми бюрократическим аппаратом и государственной идеологией, и зрелые, в которых бюрократический аппарат становится эффективным, а формально-административные элементы в управлении – ведущими. К зрелым государствам, таким образом, были отнесены как бюрократические аграрно-ремесленные, начиная с периода Египта Среднего царства, так и индустриальные вплоть до современных (о схеме «раннее – зрелое государство» см.: Bargatzky 1987; Claessen 1978; 1984; 1985; Claessen and Oosten 1996; Claessen and Skalnik 1978a; 1978b; Shifferd 1987).

венности: *ранние государства – развитые государства – зрелые государства.*

Ранние государства – это еще недостаточно централизованные государства, политически организующие общества с неразвитой административно-политической и социально-классовой структурой, расцвет которых приходится на период истории Древнего мира и основной части средневековья. **Развитые государства** – это уже сложившиеся централизованные государства поздней древности, средневековья и Нового времени, политически организующие общества с ясно выраженным сословно-классовым делением. **Зрелые государства** – это государства индустриальной эпохи, в которых исчезли сословия, сформировались классы промышленного общества и современного типа нации. Исходя из сказанного, очевидно, что **в древности и средневековье не было зрелых государств, а только ранние и развитые.** Самые первые зрелые государства появляются в конце XVII – XVIII в. В то же время смена одного типа государственности другим в разных местах происходит неодновременно, поэтому государства разных эволюционных типов могут длительное время сосуществовать. Так, в поздней античности и средневековье сосуществовали ранние и развитые государства.

В своих работах я приводил много примеров государств, относящихся к тому или иному эволюционному типу (например: Гринин 2006а; 2006б; 2007а; 2007б; Гринин, Коротаев 2007; Grinin, Korotayev 2006). Однако для дальнейшего развития теории стадий государственности возникла необходимость разработать методики ее «приложения» к истории конкретных государств. Такие методики, кроме того, позволили бы глубже понять соотношения общего и особенного в развитии отдельных государств, что и является основной задачей любых сравнительных исследований.

Прежде всего, конечно, в отношении таких методик имело смысл сосредоточиться на введенном мной типе государственности – *развитом государстве*. В качестве объекта исследования был выбран Египет в османский период его истории и эпоху английской оккупации (то есть XVI – начало XX вв.) по причине, что это в некоторых отношениях весьма характерный пример развитого государства и одновременно очень своеобразный его вариант. Такое сочетание черт и характеристик дало хорошую возможность

показать развитие Египта с точки зрения общего и особенного в его модели развития государственности. В целом я хотел достаточно детально проанализировать политическую историю Египта и его административно-политическое устройство и сравнить результаты этого анализа с теорией развитого государства. Мои исследования в отношении Египта подтвердили, что теория стадий государственности может служить вполне эффективным инструментом для установления уровня развития государств, как в разные эпохи истории одного и того же государства, так и при сравнении разных государств между собой². Благодаря этому конкретно удалось сделать следующие выводы.

Во-первых, что уровня развитого государства Египет достиг довольно давно (задолго до нашей эры) и оставался на этом уровне в течение более трех тысячелетий, то есть значительно дольше, чем любая другая страна мира.

Во-вторых, что в период турецкого господства, особенно в XVI в., он сделал в развитии своих административных структур значительные успехи и продолжал оставаться на уровне развитого государства даже в кризисный для него XVIII в., в течение которого в нем формировались предпосылки для перемен, произошедших в XIX в.

В-третьих, реформы Мухаммада Али в первой половине XIX в. в Египте начали процесс его модернизации. Эти реформы, следовательно, правомерно оценивать как важнейший рубеж в истории Египта³. В то же время ошибочно преуменьшать подготовленность

² Выбор Египта как объекта исследования объясняется также тем, что начать работу по выработке указанных методик хотелось с менее известных примеров, чем, скажем, Российское или Китайское государство, чтобы стереотипы, связанные с оценкой тех или иных периодов их истории, не оказывали влияния на выводы. Однако выбор Египта вовсе не значит, что Россия, Китай или иные государства не подходят для выработки таких методик. Напротив, они могут дать исключительно важные опорные моменты для развития теории. Поэтому анализ российской модели развитого государства входит в мои творческие планы.

³ Как известно, Мухаммад Али, албанец по происхождению, ликвидировал мамлюкское «сословие» и землевладение, создал в Египте современную армию и флот (причем основное число солдат и матросов составили впервые за столетия коренные египтяне), основал современную промышленность, провел реформы в образовании и судопроизводстве, поземельных отношениях, территориальном, административном и государственном устройстве, одержал победы над Турцией, завоевал Судан, основал династию, правившую в Египте до 1952 г. В последний период его правления, однако, Египет оказался под давлением Англии и других европейских держав. Мухаммад Али вынужден был отказаться от завоеванной Сирии и согласиться на невыгодные торговые договоры, в результате чего государственная промышлен-

Египта к этим реформам и уровень развития его государственности в предшествующую им эпоху, что еще нередко бывает (см. Заключение этой статьи). Напротив, необходимо глубже проследить преемственность между эпохами, увидеть, как процессы, которые набрали силу в XIX в., зарождались в XVIII в. или даже ранее. И теория стадий государственности вполне позволяет сделать это.

В-четвертых, в терминах теории стадий государственности рынок, который совершил Египет в первой половине XIX в., следует оценивать как движение в рамках одной – развитой – стадии государственности от первого ее этапа ко второму⁴. В то же время такой вывод вполне адекватно объясняет причины больших различий в моделях государственности Египта XVI–XVIII вв. и в период после реформ Мухаммада Али.

Однако для выполнения этих задач объема статьи оказалось явно недостаточно, тем более что история Египта этой эпохи мало известна читателям. Поэтому я решил сделать несколько отдельных самостоятельных статей, связанных общей темой.

В настоящей статье рассматривается лишь эпоха XVI–XVIII вв. В ней сделан анализ политических и частично социальных процессов этого периода, а вопросы соответствия египетской модели государственности XVI–XVIII вв. теории развитого государства затронуты только в общем плане⁵. Рассмотрение эволюции политических процессов в Египте в XVI–XVIII вв. в специальной статье имеет самостоятельную ценность, поскольку на русском языке работ, в которых бы в системе описывалась эволюция Египта в XVI–XVIII вв., совсем немного.

План изложения материала в настоящей статье следующий. Сначала приведены основные различия между тремя эволюцион-

ленность захирела. Однако, несмотря на неудачи, его династия укрепилась, а основные реформы прижились и оказались исходным пунктом для дальнейшей модернизации (см. подробнее, например: Marsot 1984; Goldschmidt 2004; Hunter 1999; ал-Джабарти 1978б; Зеленеv 2003; см. также: Гринин 2006в).

⁴ Но не как более радикальный переход от стадии раннего государства к стадии развитого государства, то есть это был не стадийный, а только *внутристадийный* переход.

⁵ Более детально эти вопросы будут разобраны в следующей статье. Период истории Египта XIX – начала XX в. с позиции теории развитого государства будет проанализирован в третьей статье, но частично я уже проделал эту работу ранее (см.: Гринин 2006в).

ными типами государств. Затем очень кратко изложена история Египта до турецкого завоевания. Далее идет описание основных этапов и процессов развития Египта периода XVI–XVIII вв. А в Заключении обсуждается проблема преемственности между XVIII и XIX вв.

I. ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ РАННИМ, РАЗВИТЫМ И ЗРЕЛЫМ ГОСУДАРСТВАМИ

Ранние государства при всем разнообразии своих форм в целом (по сравнению с развитыми) – это всегда государства **неполные**, поскольку в каждом из них какие-то важные элементы государственности либо отсутствовали, либо были явно недоразвиты. В частности, многие ранние государства не имели необходимой степени централизации и/или не обладали полным набором важнейших черт государства (особенно таких, как профессиональный аппарат управления, налоговая система, территориальное деление и письменное право) либо не развили все или часть из них до удовлетворительной степени. Но эта «неполнота» могла иметь место и в смысле взаимосвязи между государством и обществом.

Развитое государство можно рассматривать как государство, вполне **сформировавшееся и сложившееся, централизованное**, имеющее все указанные выше атрибуты государства (в том числе профессиональный аппарат управления и подавления, налоги, территориальное деление). Такой тип государства был уже результатом длительного исторического развития и отбора. Поэтому многие признаки, которые могли встречаться, но могли и отсутствовать в ранних государствах, в развитых становятся обязательными. Развитое государство можно рассматривать как **сословно-корпоративное** государство, поскольку оно не просто тесно связано с особенностями социальной и корпоративной структуры общества, но как бы конституирует эти особенности в политических и юридических институтах.

Зрелое государство является уже результатом развития капитализма и промышленной революции, то есть имеет принципиально иной производственный базис. Такое государство формирует

более специализированные институты управления, чем развитое (и тем более раннее) государство, а также четкий механизм передачи власти и обязательно имеет профессиональную бюрократию с определенными характеристиками (см., например: Weber 1947: 333–334). Зрелое государство опирается на сложившуюся или складывающуюся нацию со всеми ее особенностями. Оно постепенно трансформируется из сословно-классового в чисто классовое государство, а на последних своих этапах – в то, что можно назвать социальным государством.

II. КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЕГИПТА ДО ТУРЕЦКОГО ЗАВОЕВАНИЯ

Как известно, история Древнего Египта обычно делится на Раннее царство (примерно 3000–2800 до н. э.); Древнее царство (2800–2250); Среднее царство (2050 – ок. 1700) и Новое царство (1580 – ок. 1070). В период Нового царства в XVI в. до н. э. Египет, по моему представлению, стал первым в истории развитым государством (см. подробнее: Гринин 2007б: 191–192, 235). Достигнув наивысшего расцвета при XVIII династии, Египет затем ослабел и в конце концов фактически распался (XI в. до н. э.). После Нового царства выделяют так называемый Поздний период (XI–IV вв.), в течение которого Египет несколько раз завоевывали иноземцы (ливийцы, эфиопы, ассирийцы) и на длительное время утверждались чужеземные династии (ливийские, эфиопские), которые, однако, также не могли прочно объединить страну (см.: Эдаков 2004).

Таким образом, постепенно иноземные династии и отчуждение населения от правителей становились более частым явлением. Далее это станет важнейшей отличительной чертой всей последующей истории Египта вплоть до начала XX в. (см., например: Marsot 2004: VII; Goldschmidt 2004: 6; см. также: Семенова 1982: 104–105). В 525 г. до н. э. персидский царь Камбиз завоевал Египет, и с этого времени господство сменяющих друг друга иноземцев и иноземных династий стало почти непрерывным. Мало того, с этого времени и до 60-х гг. XX в. Египет практически никогда не оставался в своих нынешних границах, а всегда был частью более крупного государства. Отличие заключалось, однако, в том, что иногда Еги-

пет был центром этого крупного государства (например, при греческой династии Птолемеев, шиитской династии Фатимидов, мамлюкских династиях XIII–XVI вв., правлении Мухаммада Али в XIX в.), а периодами – лишь провинцией крупной империи (Римской, Византийской, Омейядского и Аббасидского арабских халифатов, Османской империи). По моему мнению, в целом больших успехов Египет достигал именно в периоды, когда сам был центром крупного государства.

Господство персов в Египте с перерывами продолжалось до завоевания его Александром Македонским (332 г. до н. э.), а вскоре после смерти последнего здесь образовалось государство с греческой династией Птолемеев. Египет этого времени, несмотря на усиление государственной эксплуатации, характеризуется достаточно высоким развитием товарно-денежного хозяйства и налоговой системы, права, культуры (см.: Свенцицкая 1989; Бенгтсон 1982). Поэтому можно считать, что в этот период Египет продвинулся в эволюции развитой государственности (подробнее см.: Гринин 2007б: 235, 244).

Птолемеевскую династию в лице знаменитой Клеопатры в конце I в. до н. э. (30 г. до н. э.) окончательно сменили римляне, при которых Египет превратился в житницу империи и главного снабженца хлебом города Рима. В 395 г. в связи с разделом Римской империи на Западную и Восточную Египет стал провинцией последней, то есть Византии. К этому времени население Египта в большинстве своем приняло христианство, но отличное от православия Византии монофизитского толка (коптская церковь), что явилось источником религиозных притеснений (см., например: Курбатов 1967: 75; Большаков 1989: 17–18). В 619 г. н. э., воспользовавшись ослаблением Византии, Египет на десять лет захватил персидский царь Хосров II (см., например: Мишин 2006). Византийцы вновь вернули себе эту провинцию, однако вскоре их сменили арабы. Религиозные разногласия и преследования со стороны византийской церкви и властей, а также тяжелый налоговый гнет были важной причиной, по которой египтяне фактически приветствовали завоевателей-арабов в 639 г. н. э. (см., например: Marsot 2004: 1–2). Арабы в 642 г. основали на месте их военного лагеря

новую столицу – Фустат (Raymond 2001: 11), позже, в конце X в. (при Фатимидах), недалеко от Фустата была построена новая столица – Каир (Raymond 2001: 36–37). С арабского завоевания, по сути, начинается история современного Египта, поскольку оно ознаменовало начало процессов исламизации и арабизации страны, растянувшихся на несколько веков⁶.

Таким образом, Египет стал провинцией Арабского халифата, в котором вскоре к власти пришла династия Омеййадов (661–750), а столицей стал Дамаск. В связи с распространением ислама в Египте происходили существенные экономические и социальные изменения, а также стала меняться система права и судопроизводства. С 750 г. Омеййадский халифат сменился Аббасидским (со столицей в Багдаде), названным так по имени новой династии. Аббасиды в IX в. ввели практику создания личной гвардии из *гулямов*, то есть рабов-военнопленных, что позже привело к ослаблению самого халифата. Однако практика использования рабов-воинов широко распространилась, и в результате в Египте, где эти рабы получили название *мамлюков*, им удалось в течение более шести веков играть очень важную роль⁷. В IX в. в результате ослабления Аббасидского халифата в Египте возникла почти независимая местная династия Тулунидов (868–905), а после кратковременного восстановления власти халифата и династия Ихшидидов (935–969).

В 969 г. Египет, ослабевший в результате засухи, эпидемий и землетрясения, был завоеван североафриканской династией Фатимидов, исповедовавших шиизм (которые утверждали, что ведут

⁶ В частности, еще в XI в. в Египте большинство населения говорило по-коптски и исповедовало христианство, а исламизация и арабизация окончательно произошли уже в XIII–XV вв. (Ланда 2005: 37, 41, 62). К XVI–XVII вв. все население, включая и христиан, говорило на арабском языке (Васильев 1990: 26). Первоначально в Египте установился ортодоксальный (суннитский) вариант ислама. С 969 г. в стране правила династия Фатимидов, которая исповедовала другое направление ислама – шиизм, однако последний все же не стал доминирующей религией (см., например: Marsot 2004: 21). В 1171 г. при Салах ад-Дине (Саладине) в Египте в качестве официальной идеологии был восстановлен суннизм (Chamberlain 1998: 215).

⁷ При Аббасидах также появились и другие важные институты, которые сохранились очень долгое время – например, должность великого визиря, новые формы землевладения: икта (условное, за службу) и вакф (владение, пожалованное мусульманским учреждениям).

свое происхождение от любимой дочери пророка Мухаммада – Фатимы, отсюда и название династии). Фатимиды захватили также Сирию и некоторые другие провинции халифата. Приход Фатимидов привел к мощному подъему экономики и культуры Египта, а также к его государственности (Marsot 2004: 12–18; Goldschmidt 2004: 6; Семенова 1974). Фатимидский режим просуществовал два века, однако уже с середины XI в. он стал ослабевать, чему способствовал тяжелый семилетний период голода и эпидемий, пришедший на это время. В 1171 г. знаменитый Салах ад-Дин (Саладин), который прославился борьбой с крестоносцами, сверг Фатимидскую династию. Он основал новую династию Аййубидов (1171–1250), при которой Египет фактически стал не только центром нового государства, но и базой успешной борьбы мусульман с крестоносцами. Роль Египта также сильно выросла в связи с развитием транзитной торговли пряностями. В целом при Аййубидах в стране наблюдался определенный хозяйственный подъем (Семенова 1995: 239; см. также: Chamberlain 1998).

Аййубидские султаны, столкнувшись с ненадежностью наемных войск, окружили себя гвардией, сформированной из лично преданных им купленных рабов-мамлюков (см., в частности: Семенова 1995: 239; Goldschmidt 1994: 178–179). Мамлюкские войска доказали свои преимущества в ряде побед над крестоносцами. Однако султаны стали игрушкой в их руках. И в 1250 г. последний аййубидский султан был свергнут (см. подробнее: Кадырбаев 2006).

Возник Мамлюкский султанат, который контролировал Египет и Сирию с 1250 г. по начало XVI в. Власть перешла в руки мамлюкских военачальников, которые стали выдвигать султанов из своей среды (см.: Семенова 1966: 27), а мамлюки, то есть «люди рабского происхождения, образовали правящую элиту» (Northrup 1998: 244). Мамлюкские султаны создали видимость преемственности их государства с Аббасидским халифатом, халифом был провозглашен один из уцелевших при захвате монголами Багдада в 1258 г. членов семьи Аббасидов, но реальной власти он не имел (что несколько напоминало систему священного, но безвластного императора в Японии при фактических правителях сёгунах, образующих

собственную династию). Правление мамлюкских династий делится на два больших периода, разделяемых по этнической принадлежности правящих группировок и правителей. С 1250 по 1382 г. правили так называемые тюркские (или бахритские) мамлюки, а с 1382 по 1517 г. – черкесские, то есть кавказского происхождения (или мамлюки Бурджи). «В целом второй период был менее конструктивным, чем первый» (Зеленев 1999: 132); второй период, пожалуй, даже можно охарактеризовать скорее как более деструктивный, чем конструктивный. Экономической базой господства мамлюков были земельные владения, которые они получали за службу на правах условного держания, а также доходы от различных налогов.

Мамлюкское государство, по мнению Майкла Винтера, было уникальным политическим образованием (Winter 1992: 1). В любом случае, существование государства рабов, которые на столетия стали правящей элитой, является редким случаем в истории и важной особенностью политического строя Египта, а также некоторых других стран Ближнего Востока (например, позднесредневекового Ирака). Поэтому стоит немного сказать о том, как формировалась эта элита. Мамлюкские султаны, а также отдельные командиры (эмиры) приобретали мальчиков-рабов в основном тюркского или кавказского происхождения, которых обращали в ислам и воспитывали в домах мамлюков же. Военное и иное обучение юноши проходили как дома, так и в специальных школах. Крупные дома мамлюкских эмиров насчитывали сотни таких воинов. Важно также отметить, что пребывание в условиях, по сути, семейного и родственного окружения воспитывало особую близость и взаимопонимание между членами одного дома, что делало такое объединение очень сплоченным в личном и военном плане. Выучка мамлюков также была на высоте. Когда мальчик становился воином, его рабское положение менялось, и он становился свободным мусульманином, имеющим все гражданские права, включая право на образование семьей (Ayalon 1960: 158–160). В то же время дети мамлюков не могли обрести статус мамлюка, они имели более низкий социальный ранг. Это вело к тому, что мамлюкская корпорация постоянно обновлялась, а во главе мамлюкских домов становились не дети их глав, а наиболее энергичные лидеры. В этом была сила такой корпорации, которая, по сути, стала своеобразным сословием

или квазисословием (в чем-то ее даже можно сравнить с католической церковью после введения института безбрачия для священников в XI в., в результате чего сила церкви возросла). Это замедляло процесс деградации мамлюкской корпорации, хотя, конечно, полностью спасти от разложения ее не смогло (об организации мамлюкской армии египетских султанов см. подробнее: Ayalon 1953a; 1953b; 1954)⁸.

Несмотря на все недостатки, мамлюкский режим оказался способен обеспечить стране длительный период безопасности в условиях монгольского нашествия и противостояния с крестоносцами. Наиболее известна победа мамлюков в 1260 г. над войском монголов при Айн-Джалуте (в Палестине), когда последние потерпели полное поражение, а их главнокомандующий был взят в плен и казнен. В те времена не многие страны могли похвастать неоднократными победами над монголами. И такой успех справедливо связывают с достоинствами мамлюкского войска (см., в частности: Ayalon 1960: 149).

Египет более чем на два с половиной столетия стал центром не только нового халифата, но фактически и всего исламского мира (Piterberg 1990: 275). Первое столетие правления мамлюков в целом стало временем культурного и экономического подъема страны, что было также связано с ростом значения Египта как важнейшего перекрестка торговых путей между Западом и Востоком⁹. Однако с 1347 г. ситуация в Египте стала ухудшаться¹⁰. Неспособность за-

⁸ Помимо собственно мамлюкских отрядов, были, конечно, и другие части, состоящие из наемников, которые по численности составляли основу войска. При этом военачальники-эмиры должны были иметь определенное количество собственных воинов-мамлюков, но во время войны они также командовали военными отрядами, состоящими из другой категории воинов. Например, эмир сотни мог иметь сто личных воинов-мамлюков и командовать тысячным отрядом воинов другой категории (см.: Семенова 1966: 51–52).

⁹ О степени развития страны говорит хотя бы тот факт, что в период правления мамлюкского султана Насира Мухаммада в первой половине XIV в., которое считается наивысшим подъемом страны при мамлюках (см., например: Northrup 1998: 253), в Каире проживало до 200 тыс. чел., в то время как в XIV в. в Париже проживало «всего» 80 тыс., а в Лондоне 60 тыс. чел. (Raymond 2001: 137).

¹⁰ 1347 г. – не случайная дата, а начало эпидемии чумы. С 1331 по 1346 г. чума распространилась из Азии в Европу разными путями (см.: McNeill 1998: 176–177), и Египет, расположенный на перекрестке трех континентов, конечно, не мог избежать этого мирового бедствия. Только за 135-летний период правления черкесских мамлюков (1382–1517) эпидемии чумы наблюдались в Египте 16 раз, то есть в среднем каждые 8 лет (см., например: Коротаев 2006: 60).

щитить население от набегов бедуинских племен, рост налогов и незаконных сборов, вызывающая роскошь элиты на фоне обнищания населения и другие негативные факторы создали экономический и духовный кризис в обществе и стали причиной падения престижа мамлюков (Garsin 1998: 316–317). В стране, по выражению Н. А. Иванова (1984: 16), углублялся «социальный маразм», чему способствовали междоусобная борьба претендентов на престол и быстрая смена правящих династий (о причинах чего, как известно, писал Ибн-Хальдун). Неспособность мамлюков остановить экспансию Португалии, укреплявшейся в начале XVI в. на торговом пути в Индию, окончательно подорвала уважение к ним, и в то же время рос авторитет турок-османов как защитников ислама. В результате египтяне стали ждать последних как освободителей, способных навести порядок, поднять престиж веры, облегчить налоги и поборы (Иванов 1984: 37). В 1516 г. мамлюки потерпели поражение в Сирии, а в начале 1517 г. – на подступах к Каиру. Огромный Мамлюкский халифат пал, и Египет стал турецкой провинцией.

Предварительные выводы. Таким образом, при всех метаморфозах политической и социальной истории страны, сменах правителей и династий Египет начиная с XVI в. до н. э. почти всегда находился на уровне развитого государства. Это доказывается также тем, что Египет в течение всего этого времени, хотя и не являлся суверенной державой, неизменно сохранял централизованное управление в отличие от европейских и иных государств (см.: Семенова 1982: 104). Мало того, смена иноземных династий и империй в определенной мере повышала уровень государственности Египта, который последовательно перенимал достижения греков, римлян, византийцев, персов, арабов, пропуская их через свои культурно-политические и административные традиции. В результате уровень государственного управления временами в Египте был очень высоким. В частности, есть основания считать, что при Птолемах и Фатимидах Египет вплотную подходит ко второму этапу стадии развитого государства – типичному развитому государству – и в отдельные эпохи даже вступает в него (об этом можно говорить, в частности, в отношении начальной эпохи османского Египта в XVI в.). Но окончательно этот уровень Египет преодолел только в XIX в. в результате реформ Мухаммада Али.

Кроме того, Египет в средние века оказался одной из тех стран, где не только сошлись, но и частично переплавились достижения разных цивилизаций. В Египте позднего средневековья и раннего Нового времени наблюдается весьма интересное и своеобразное сочетание черт восточных и европейских государств: при высоком уровне развития бюрократии и большой роли государственной собственности на землю (Семенова 1982: 100–102) – что сближает его с дальневосточными режимами – здесь все же не было системы тотального государственного контроля; существовала значительная автономия населения в решении своих дел (что в целом являлось особенностью и достижением ислама); имелась высокоразвитая городская культура и очень высокий уровень развития товарно-денежных отношений в сочетании с высоким престижем купечества и ремесленников, что сближало Египет с рядом европейских стран. В Египте, как и вообще в исламском мире, не было четко выраженных сословий, однако здесь длительное время ведущей была корпорация мамлюков, представляющая, по сути, своеобразное военное *квазисословие*. И это, с одной стороны, отличает Египет от таких стран, как Китай или Корея, но с другой – до некоторой степени сближает его (при всех различиях дворянства и мамлюков) с Европой и Японией.

III. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЕГИПТА В ОСМАНСКИЙ ПЕРИОД (1517–1798)

1. Общие замечания

В эту историческую эпоху многие исследователи выделяют три крупных этапа: 1) время сильной власти османов; 2) время уменьшения власти и позиций турок; 3) время перехода власти к мамлюкам. Эти три этапа в целом совпадают соответственно с XVI, XVII и XVIII вв. (см., например: Кембриджская история Египта [Daly 1998]; Shaw 1962: 3–5). Мне хронология этапов представляется следующим образом.

Первый этап – с 1517 г. по конец XVI в. (условно по 1587 г.), то есть от завоевания Египта до начала мятежей в турецких военных корпусах. Первые несколько лет после завоевания страны (1517–1525) были достаточно бурными и привели к экономическому упадку (Winter 1992: 11), но после подавления мятежей и пере-

стройки социально-политической жизни наступает спокойная и экономически благополучная эпоха. Мамлюки в жизни Египта в этот период играют далеко не первенствующую роль.

Второй этап – конец XVI – начало XVIII вв. (примерно 1587–1711), период ослабления власти и влияния Турции в Египте, временами – полоса глубоких экономических кризисов и волнений. Начало возврата к откупной системе налогов. Открывается этот период мятежами войск, недовольных фактическим снижением их жалованья и его задержками, и кончается также мятежами конца XVII и начала XVIII в., среди которых восстание 1707–1711 гг. получило название «великого возмущения». Но оно – в отличие от того, что было век назад, – больше походило на гражданскую войну между элитами, то есть военными группировками за ведущее положение (см.: Marsot 2004: 43). Это время постепенного возвышения мамлюков при их соперничестве и одновременно альянсе с турецкими военными элитами.

Третий этап – XVIII в. (после 1711 до 1805 г.), период окончательного ослабления власти Турции и возвышения мамлюкских домов. Затем активная борьба за власть начинается и внутри победивших мамлюкских домов, в результате чего происходит переход к индивидуальному господству отдельных людей (Stecelius 1998: 59). Устанавливается режим личной власти, порой фактически режим военной диктатуры, хотя и всегда прикрываемой обладанием легитимной должности. Периоды прочной власти, однако, часто сменялись годами тяжелой и достаточно кровавой борьбы за власть. Особенно ужесточились внутренние конфликты в последней трети XVIII в. Однако в целом именно в это время начинается очень неровный процесс формирования нового, почти автономного Египетского государства, включая попытки обретения полной независимости от Турции. Последнее вызвало в 1770-е гг. войну Египта с Турцией, а в 1786 г. вторжение турецких войск в Египет для восстановления там османского господства. Вторая половина XVIII в. ознаменовалась тяжелым и затяжным социально-экономическим и демографическим кризисом, который вызвал существенные изменения в социальной структуре общества и мировоззрении наиболее

активных его слоев, что подготовило условия для трансформации Египетского государства в XIX в. В конце XVIII в. в Египет вторглись французы, их изгнание привело в конечном счете к падению мамлюков и приходу к власти Мухаммада Али, «последнего мамлюка», по выражению А. Марсо¹¹.

Следует помнить, что многие социально-экономические и даже политические процессы в Египте в XVI–XVIII вв. являлись местными вариациями общеосманских процессов (см., например: Holt 1969: 23). Так, XVI в. был благополучным не только для него, но и для всей империи, а в конце XVI – начале XVII в. в ней начался экономический кризис, и повсеместно, включая Египет, происходили военные мятежи и волнения. В XVII в. идет переход от военного типа государства в Турции к бюрократическому (Hathaway 1998a: 34), что сказывается и на политическом положении в Египте. Откупная система в XVII–XVIII вв. распространилась на многие провинции Турции. Отмечается также тесная связь изменения османской провинциальной политики, происшедшего в XVII в., и подъема провинциальных элит в XVIII в., включая Египет (см., например: Piterberg 1990). Однако многие из этих общеосманских явлений приобретали в Египте специфические черты, что неудивительно, поскольку Египет был наиболее крупной (Winter 1998: 3) и наиболее развитой провинцией Оттоманской Порты (см., например: Crecelius 1998: 59). В аспекте нашего исследования особенно важно подчеркнуть, что система нового политического режима – *бейликата* (о нем будет сказано дальше), который сложился в XVII–XVIII вв. в Египте, не имела аналогов в других провинциях Османской империи, поскольку она являлась результатом не только турецкого влияния, но и нескольких веков предшествующего

¹¹ Естественно, что имеются расхождения в отнесении определенных событий к тому или иному периоду. Майкл Винтер выделяет в качестве отдельного периода конец XVII – начало XVIII в., характеризующийся бурными событиями и борьбой военных группировок; и у него получается четыре периода (Winter 1992: 18). Иные выделяют отдельно период завоевания Египта турками (1517–1525 [Holt 1968: 83–90]). Но в целом общая картина остается примерно той же. Некоторые исследователи заканчивают третий период 1798 г., то есть началом французской оккупации, а другие включают в него время французской оккупации и дальнейшей борьбы за власть, то есть до 1805–1807 гг., когда у власти встал Мухаммад Али. Последний вариант мне представляется более верным.

развития Египта (см., например: Зеленев 2003: 44). И это, на мой взгляд, дополнительно доказывает, что Египет был развитым государством и до османского завоевания, и оставался таковым в течение всего периода турецкого господства.

2. Первый этап: подъем уровня государственного управления и хозяйственной жизни

Новые завоеватели – османы – провели значительные изменения в управлении, имущественных и налоговых отношениях египетского общества. Были конфискованы земельные владения мамлюков и иных зажиточных слоев, отменены все их налоговые льготы и иммунитеты (Иванов 1984: 380; см. также: Зеленев 2003: 23). Налоги были сильно снижены, откупная система их сборов, приводившая к большим злоупотреблениям, ликвидирована, а любые поборы или «подарки» с населения запрещены. Земля была передана в пожизненное пользование крестьянам (Иванов 1984: 206–207; Зеленев 1999: 170). В значительной степени был обобществлен жилищный фонд в городах, а также установлены твердые цены на товары, в результате чего «серьезно пострадали аяяны – представители зажиточной прослойки городского патрициата. Они утратили привилегированное положение, лишились былого влияния и значительной части имущества» (Иванов 1984: 207). По мнению Н. А. Иванова (1984: 206–207), с которым в целом можно согласиться, все эти изменения означали глубокий социальный переворот, выразившийся, прежде всего, в коренной перестройке аграрных отношений, в результате которого «был ликвидирован феодальный господствующий класс средневекового арабского общества»¹².

Новые власти начали борьбу за наведение элементарного порядка в стране – в частности, были предприняты очень жесткие меры против бесчинств бедуинов, вплоть до наград за их головы. На некоторое время в стране установилась такая безопасность, что, по словам современника, «волк и ягненок могли ходить вместе»

¹² Такие меры, равно как определенная забота о земледельцах, были вообще свойственны ранней турецкой идеологии и политике (см.: Иванов 1984: 202–211; см. также: Орешкова 1982: 121; Зеленев 1999: 169–170).

(Иванов 1984: 42). Был также реформирован суд, который стал гораздо ближе к населению, в том числе и сельскому. Главное же, по турецкой модели была установлена иерархия религиозных судей-кадиев, то есть «строго субординированная шариатская организация – новое и совершенно уникальное явление в истории ислама» (Иванов 1993: 242). На мой взгляд, это было важным шагом в эволюции египетского развитого (то есть сословно-корпоративного) государства в XVI в., которое теперь, наконец, стало более четко включать в свой аппарат важную часть сословия улемов – судей-кадиев (Marsot 2005: 43).

Облегчение положения земледельцев, а также политика заселения пустующих мест и широкомасштабные ирригационные работы привели в первые десятилетия османского господства к росту сельскохозяйственного производства и увеличению численности сельского населения (Иванов 1984: 212). В целом «на протяжении жизни двух поколений Египет пользовался тишиной и покоем», оставаясь «послушной и благоденствующей» провинцией (Там же: 47; см. также: Holt 1961: 216; Marsot 2004: 41), а население Египта сильно выросло (см., например: Hathaway 1997: 7; Cuno 2000: 96).

Турецкий султан Селим I (1512–1520) Яуз (Грозный) умер через три года после завоевания Египта. Новый султан Сулейман I (1520–1566) Кануни (законодатель), прозванный европейцами Великолепным, отказался от политики автономии Египта и взял курс на его «османизацию». Это вызвало мятеж в 1523–1524 гг. После его жестокого подавления Египту был дан «основной закон», *Канун-наме Миср* (то есть «Книга законов Египта»), который действовал очень долго, почти три века, фактически до периода правления Мухаммада Али (Winter 1992: 16). Законы Сулеймана I наряду с общеосманскими административными идеями в то же время вобрали в себя многое из прежних норм, имевшихся в мамлюкском Египте (Winter 1992: 16).

Канун-наме Миср лежал в основе всей деятельности администрации в Египте и его военных частей, регулировал провинциальное управление, объем налогов, а также положение мамлюков (Winter 1992: 16–17; Piterberg 1990: 282; Kimche 1968; Cuno 1985: 30; Holt 1969). Система управления Египтом, объем налогов, сумма, которая должна была отправляться в Стамбул, размер жалованья чи-

новников, количество должностных и титулованных лиц, конкретные источники расходов на определенные статьи бюджета и многое-многое другое – все было расписано в *Канун-наме Миср*. И в этом плане он (как и вообще турецкие кануны) представлял собой весьма редкий для развитых государств случай создания системы четких правил, которые более или менее лежали в основе действительной практики¹³.

В целом XVI в. можно оценить как время благотворного влияния турецкой власти на государственность и экономическое состояние Египта.

Но «османизация» Египта не означала тотального контроля из Стамбула. Напротив, по словам М. Винтера, османы были прагматиками и осознавали, что особая природа египетской экономики требует минимального вмешательства в его управление (Winter 1992: 17). Поэтому они достаточно полно контролировали только немногие государственные функции, оставляя другие в более свободном режиме (Hanna 1995a: 3). Но я также думаю, что этому сильно способствовала и особая развитость Египта в сравнении с другими провинциями. Такая смешанная система управления обусловила и то, что в управление малыми провинциями внутри Египта (санджаками) и тем более на более низком административном уровне турки вмешивались мало (см.: Ацамба 1991: 124). При этом они активно опирались на местные традиции власти, что в значительной мере стало важной причиной будущего «ренессанса» мамлюкских домов, сохранивших свое влияние на местах. Турки также назначали шейхов и вождей племен начальниками определенных районов и уездов (Winter 1998: 22).

¹³ Турецкие султаны, начиная с Мехмеда II (1451–1481), занимались кодификацией установлений, включая вопросы государственного устройства. При Сулеймане I Кануни (Законодателе) кодификация стала всеобъемлющей (с учетом, конечно, общего правового уровня того времени), что было зафиксировано в общетурецком канун-наме (кодексе законов). Основы канун-наме Сулеймана I получили конкретизацию в многочисленных, составленных в тот же период законоположениях о вилайетах (провинциях) Османской империи, в которых нашли отражение разнообразные местные специфические условия и соответствующие им нормы обычного и местного права (см.: Тверитинова 1969). *Канун-наме Миср* и был такой конкретизацией османского законодательства для Египта.

Важнейшим институтом управления и опорой османской власти в Египте были расположенные там семь военных формирований (условно корпусов), которые назывались *оджаки* (или *очаги*), включая и мамлюкский (черкесский) корпус. Самым важным из всех оджаков был янычарский. Помимо чисто военных функций, корпуса также выполняли важные административные задачи: полицейские, патрульные, по сбору налогов, охране дорог. Командиры и высшие офицеры корпусов по должности заседали в египетском и провинциальных диванах (см.: Зеленов 1999; 2003; Ацамба 1991; Marsot 2004; Winter 1998; Crecelius 1981; Kimche 1968).

Согласно *Канун-наме Миср* главой Египта был назначаемый из Стамбула губернатор, который назывался первоначально *бейлер-бей*, с XVII в. – *вали*; его часто также называли почетным титулом – *паша* (см.: Shaw 1962: 1; Ацамба 1991: 110). Срок его полномочий был всего один год, но иногда губернаторы оставались на несколько сроков. Паша руководил провинцией вместе с заместителем и несколькими высшими чиновниками (включая главного казначея и главного судью), назначаемыми также из Стамбула и поэтому прямо не подчиненными ему. Эти чиновники составляли своего рода правительство, или малый диван, который должен был работать практически ежедневно. Был также расширенный (большой) диван, заседавший четыре раза в неделю, в состав которого входили руководители ряда важных корпораций и командиры (или представители) семи военных корпусов, игравших в жизни Египта важную роль, но не подчиненных прямо губернатору. Основные решения должны были утверждаться малым или большим диваном, который в некоторых случаях мог даже сместить пашу (см.: Ацамба 1991: 122–123). Египет делился на ряд, условно говоря, «округов» или «уездов» (называемых часто *санджаками*), в свою очередь делившихся на более мелкие административно-судебные округа (*казы*), а те, далее, на «волости» (*нахийи*) (см.: Зеленов 2003: 25)¹⁴.

¹⁴ В целом турками за основу была взята прежняя система территориального деления (Ацамба 1991: 109, 124), существовавшая в более или менее постоянном виде в Египте очень долгое время. В частности, число провинций в собственно Египте с XII по XV в. колебалось от 14 до 20 (см.: Семенова 1966: 28). Например, в Мамлюкском халифате было 15 провинций, из них 8 в Нижнем Египте и 7 в Верхнем Египте (Garsin 1998: 314). Примерно такой же интервал числа провинций-санджаков фигурирует в литературе о Египте XVI–XVIII вв. (ср., например: С. А. Кириллина и М. Г. Рябков [1991: 130] говорят о 14 провинциях в конце

Для понимания особенностей системы управления в Египте очень важно иметь в виду, что в *Канун-наме Миср* была предусмотрена своеобразная система сдержек и противовесов внутри иерархии турецких чиновников. Это в первую очередь касалось баланса в распределении полномочий и реальной власти между пашой и членами дивана (включая военных командиров), многие из которых, как уже сказано, назначались непосредственно из Стамбула. Это делалось турецким правительством из опасения, чтобы паша в Египте не приобрел слишком большую власть (что могло привести к отпадению провинции от империи). А в округах-санджаках Египта роль определенного противовеса турецким военным часто играли мамлюки (позже они стали, правда, уже основными «игроками» на центральной политической сцене). Такая система не позволяла никому персонально в Египте иметь слишком большую власть (о системе разделения властей в Египте см.: Shaw 1962; Hanna 1995a: 3, 5; Ацамба 1991; Зеленев 2003)¹⁵.

В отличие от предшествующего ему, то есть «мамлюкского» (XIII–XV вв.), периода истории Египта, который исключительно богат историческими источниками, османский период (XVI–XVIII вв.) весьма беден ими и поэтому остается достаточно темным в смысле наших знаний о нем (Winter 1998: 1–2; Holt 1961: 214; Kimche 1968: 448; Piterberg 1990: 282; см. также: Мейер 1984: 34). И особенно это относится к XVI в., многие процессы в котором остаются в важнейших моментах неясными. Это, в частности, касается и эволюции положения мамлюков, экономическая мощь которых на время была подрублена. Известно, что в первые годы после турецкого завоевания прежним хозяевам Египта пришлось довольно туго. Немало их было казнено, другие совершенно обнищали (Зеленев 2003: 23). Однако достаточно скоро лояльные мамлюки были прощены (Nathaway 1995: 39; Ацамба 1991: 109), многие из них были

XVIII в., а Н. А. Иванов [2000: 412] пишет, что в административном отношении Египет делился на два десятка провинций (*иклим*). В литературе также нередки упоминания о том, что *Канун-наме Миср* определял общее число провинций в Верхнем и Нижнем Египте числом 14 (Marsot 2004: 40), но с XVI в. могли быть изменения в их количестве.

¹⁵ Это было хорошо при твердой власти в Стамбуле и империи, но плохо при ее ослаблении. В последнем случае, говоря словами арабского историка, «арабы страдали не столько от избытка турецкого правления, сколько оттого, что его было мало!» (цит. по: Иванов 1984: 203–204).

зачислены на службу в особый «черкесский» корпус, а иные были распределены по турецким военным корпусам. Они стали получать денежное жалование. Часть из них заняла должности в провинциальном управлении, включая управление округами (санджаками), хотя с системой местного управления много неясного (см., например: Holt 1969: 71–73). Таким образом, хотя в XVI в. мамлюки и находились на вторых ролях (см.: Holt 1961: 218), они сумели интегрироваться в новую систему. Однако в целом вопрос о том, каким образом мамлюки, лишенные важнейших источников доходов, сумели сохранить силу в XVI в., остается, по словам Винтера, очень неясным, но весьма интригующим (Winter 1998: 11).

Действительно, такая социальная жизнестойкость является нечастым случаем в истории и заслуживает внимания. Однако при объяснении этого феномена не стоит забывать, что мамлюки были достаточно сложившейся и имеющей прочные традиции корпорацией. Это предполагало, в частности, высокую степень организованности, привычку занимать определенное положение и подчиняться дисциплине, а также то, что в этой корпорации наследственность не играла роли. По правилам, сыновья мамлюков (*авлад ан-нас*) не могли занимать посты, оставленные их отцами, поэтому многие из них избирали богословскую или административную карьеру (Иванов 1982: 146). Так что мамлюкам постоянно требовалось доказывать свои личные преимущества¹⁶. Очень важно также, что мамлюки, члены одного дома, были тесно спаянной группой с идеологией «семейственности», так что если один из них получал какой-то военный или гражданский пост, то стремился перетянуть к себе своих и продвинуть их (см., например: Marsot 2004: 42). Исследователи отмечают, что мамлюки лучше знали египетскую жизнь, чем военные и чиновники из Турции, которые часто меняли места службы (Marsot 2004: 42; Зеленов 2003: 44). Благодаря всему этому мамлюки, думается, и смогли выжить в условиях потери

¹⁶ Есть обоснованные сомнения, были ли мамлюкские дома XVI–XVIII вв. прямыми наследниками домов прежних эпох (Nathaway 1998b: 108; Cuno 1985: 29; Piterberg 1990: 282). Поэтому мамлюков османского периода нередко называют «новыми мамлюками» (см. об этом, например: Nathaway 1995; Cuno 1992). Но никто не сомневается, что многие традиции сохранялись (см., например: Nathaway 1998b: 107), хотя в XVIII в. были часты жалобы на упадок мамлюкской корпоративной чести и «морали» (см., например: ал-Джабарты 1978а, с. 145).

своих прежних доходов и затем подняться к вершинам власти. Поскольку мамлюков в XVI–XVIII вв. (как, впрочем, и ранее) приобретали главным образом на Кавказе (в том числе, нередко среди грузин), их часто называют в литературе черкесами или черкесскими мамлюками. Однако среди них было немало и лиц иных национальностей (практически из всех регионов Турции и сопредельных с ней стран), число которых в XVIII в. возрастало.

3. Второй этап: формирование нового политического режима

Для понимания политических процессов, происходивших в Египте, очень важно учитывать экономические изменения, которые сильно повлияли на эволюцию политической системы Египта, нередко выступали важнейшей движущей силой и источником развития этих изменений. Это касается и инфляционно-экономического кризиса конца XVI – начала XVII в., и перехода от прямого взимания налогов к откупам в XVII в., и роста этой системы с превращением многих откупов в пожизненные и наследственные в XVIII в., и ухудшения торговой конъюнктуры в XVIII в., что привело к изменению поведения населения и мамлюков.

В последние десятилетия XVI в. благополучная полоса турецкой истории заканчивается. Одной из главных причин этого явилась так называемая революция цен, то есть резкий рост цен в результате массового ввоза золота и серебра из Нового света в Европу. В результате быстрой инфляции экономическое положение в Турецкой империи резко ухудшается (Nathaway 1998a: 34; Goldstone 1988). Цены в 1585–1586 гг., то есть к концу XVI столетия, по сравнению с ценами конца XV в. (прежде всего на продовольствие) поднялись в 1,8 раза, а уже в начале XVII в. (1604–1605) в 4,7 раза. А реальная стоимость серебра соответственно упала за этот период в 2,5 раза (Barkan, McCarthy 1975: 9, 15–16). Наиболее опасным следствием роста цен было то, что реальное жалованье войскам, будучи фиксированным, резко сократилось, а правительство оказалось не в состоянии изменить ситуацию. Беспорядки, локальные восстания, мятежи и волнения в войсках стали массовым явлением в империи (см., например: Barkan, McCarthy 1975: 3; Goldstone 1988). В частности, в Египте в 1587–1605 гг. произошло пять военных мятежей (Иванов, Орешкова 2000: 90; см. также: Holt 1961: 217; 1969: 71 и др.). А в 1609 г. восставшие мамлюки захватили г. Танту

в Нижнем Египте и попытались провозгласить создание независимого мамлюкского султаната (Иванов, Орешкова 2000: 90; см. также: Holt 1961: 218). Подавление этого мятежа хронист оценил как второе завоевание Египта османами (см.: Holt 1961: 218).

Длительный период волнений и мятежей 1587–1609 гг. в Египте в конце концов закончился. Положение в империи временно стабилизировалось, но позиции турок в провинциях все же ослабли. В Египте это проявилось в падении реальной власти паши (Hathaway 1998a; Crecelius 1998: 61; Holt 1961: 218). Участились случаи его фактического свержения и отказа принять нового пашу. Чтобы иметь возможность контролировать ситуацию, губернаторы вынуждены были интриговать, лавировать между различными влиятельными группами, сталкивать их между собой, в том числе привлекать мамлюков к подавлению янычарских мятежей (Зеленев 2003: 44), а также к выполнению некоторых функций. В результате мамлюки становились все более важным фактором политической системы в Египте, что ознаменовало начало их нового подъема (см.: Holt 1961: 218).

Таким образом, первичный баланс сил в Египте, установленный после турецкого завоевания, нарушился, верховная власть ослабла, реальная автономия страны усилилась. Больше всех от такой перемены выиграли мамлюки, и в результате постепенно возрастает влияние крупных мамлюкских домов, члены которых захватывают различные должности в армии, местном провинциальном и центральном управлении. Число мамлюкских корпусов, по некоторым данным, возрастает до трех (Marsot 2004: 42; Зеленев 2003: 44). А в связи с наметившимся в XVII в. переходом от прямого сбора налогов чиновниками к системе откупов, они начинают возрождать свою экономическую мощь, поскольку именно мамлюки в основном сосредоточивают в своих руках откупа, что позволяло также контролировать поземельные отношения и влиять на население¹⁷.

¹⁷ Сами откупа назывались *ильтизамы*, а откупщики – *мультазимы*. Система откупов все более распространялась в XVII в., а в XVIII в. она стала ведущей (Hathaway 1995: 39; 1997: 9; 1998b: 108; Piterberg 1990: 285; Ваг 1962: 1–2; 1969: 62). Кроме того, откупа стали из временных пожизненными с преимущественным правом передачи по наследству (см., например: Иванов 2000: 414). Помимо поземельного налога (70 % дохода бюджета), в откупа вошли городские промыслы и торговля, причем роль этих городских ильтизамов возрастала, так что в XVIII в. они составляли уже 17 % всего египетского бюджета, что было второй по значимости статьей доходов (см.: Зеленев 2003: 23).

Постепенно в Египте в XVII в. сложился и укрепился новый, хотя и не утвержденный никаким законом, но вполне реальный и жизнеспособный политический режим, просуществовавший фактически до французской оккупации Египта в 1798 г. (Marsot 2004: 44). При этом официально в Египте продолжали действовать политические и административные структуры, утвержденные *Канунаме Миср*. Новая система родилась в процессе борьбы за распределение ресурсов и важнейшие посты в условиях, когда паша имел слабые позиции, а многие из чисто османских постов стали контролироваться мамлюками.

Новый политический режим часто называют *бейликат* (иногда эмират), от титулов наиболее знатных мамлюков – беев (или эмиров/амиров), поскольку примерно два десятка мамлюкских беев составляли высший политический круг, способный оказывать влияние на важнейшие процессы в Египте¹⁸. Титул *бей* был одним из высших званий (должностей) в Османской империи. Титулы беев и соответствующее денежное жалование получила и верхушка мамлюков еще в начале XVI в. во времена Сулеймана Великолепного, однако, по мнению Винтера (Winter 1998: 12), необходимо различать титулы беев происхождения османского и мамлюкского. Следует также учитывать, что эти титулы не были наследственными, а должны были утверждаться общеегипетским диваном, поэтому персональный состав беев значительно менялся в связи с результатами их борьбы за влияние и иными событиями. Но так или иначе указанные мамлюкские беи, а точнее, дома, которые они представляли или возглавляли, создали собственные крупные военные силы; постепенно сосредоточили в своих руках большие денежные средства, многие военные и гражданские посты; вошли в египетский и провинциальные диваны и т. д.¹⁹ В целом они могли реально влиять на все главные политические и экономические события в стране²⁰. Экономической основой системы бейликата, по-

¹⁸ Есть много неясностей с реальным количеством мамлюкских беев, но достаточно часто называется число 24, из которых 12 были главными (двухбунчуковыми), а 12 их заместителями (см., например: Ацамба 1991: 119).

¹⁹ Мамлюки также «приватизировали» суды, которые нередко работали прямо в их домах, а также устраивали домашние тюрьмы, куда бросали своих врагов (см.: Hanna 1995b: 56–57).

²⁰ Тут следует учитывать, что представители этого высшего и тесного круга, занимая ведущие посты и проживая большей частью в Каире и других крупнейших городах, имели постоянные возможности для тесных официальных и неофициальных контактов, а часто были просто обязаны решать различные вопросы совместно.

мимо откупной системы налогов, был контроль над наиболее доходными должностями²¹.

В целом бейликат представлял собой систему хотя и неофициальной, но вполне реальной власти олигархии крупнейших мамлюкских домов (клуб мамлюкской знати, по выражению Зеленева), которые были близки к османскому губернатору, но официально не входили ни в одно из семи турецких военных формирований (см.: Зеленев 2003: 44). При этом среди таких домов выделяются два крупнейших (*Факариййа* и *Касимиййа*), борющихся между собой за высшие посты, а потом и за власть в Египте (Hathaway 1998a; 1998b; Crecelius 1998: 63; Holt 1961: 218–219; Winter 1992: 21). Самым выдающимся представителем бейликата XVII в. считают Ридвана-бея ал-Факари, главу семьи Факариййа, удерживавшего пост начальника каравана паломников четверть века (1631–1656), до своей смерти (Winter 1992: 21), и бывшего фактическим главой государства (Marsot 2004: 43). Таким образом, система бейликата существенно устраняла сегментированность мамлюкского общества, в котором каждое крупное домовладение было самодостаточно и независимо (Philipp 1998: 122).

Поскольку турецкий режим оставался в первую очередь военным режимом, где ключевые посты занимали военные (Иванов 1982: 144), было вполне естественным, что в результате его ослабления к власти пришло военное сословие мамлюков. Однако их положение не было еще столь значимым, чтобы они могли претендовать на монопольную власть в стране. Бейликат оставался достаточно прочным до середины XVII в., но после смерти упомянутого выше Ридвана-бея ал-Факари борьба между семьями *Факариййа* и *Касимиййа* привела не просто к их временному ослаблению, но к ослаблению режима бейликата в целом. В результате частично усилились позиции Турции, но особенно янычарской верхушки (Marsot 2004: 43), из числа которой вышел Кучук Мехмед, контролировавший власть в Египте с 1676 по 1694 г. (Зеленев 2003: 47),

²¹ Наиболее важными постами считались: начальник каравана паломников, начальник охраны каравана доставки налогов в Стамбул, начальник портов и некоторые другие. Стоит отметить, что между объемом доходов и могуществом домов была исключительно прямая связь. Чем больше были доходы, тем больше рабов могли приобрести дома и тем больше воинов они имели. Что касается откупов, то, как уже сказано, они из временных постепенно стали пожизненными.

и еще несколько диктаторов. Это, впрочем, было предвестником перехода к режиму диктатуры в следующем, XVIII в.

Таким образом, следует учитывать, что наряду с мамлюками в XVII в. усиливается и другая категория военных – турецкие гарнизоны (особенно янычары). Однако важно иметь в виду, что эти два вида военной власти не были жестко разделены между собой (см. об этом, например: Hathaway 1995; 1998b; о сложных процессах взаимодействия и формирования этих элит см. также: Piterberg 1990). Во-первых, мамлюки входили в состав практически всех турецких корпусов (Piterberg 1990: 282; Зеленов 2003: 287) и занимали в них высокие посты; кроме того, в систему корпусов входили и мамлюкские корпуса, один из которых был сформирован из мамлюков османского губернатора (Cuno 1985: 29). Мамлюки также имели немало клиентов среди солдат и офицеров оджаков (Hathaway 1998b: 108; Marsot 2004)²².

Таким образом, в XVII – начале XVIII в. в Египте имелось как бы два военных сословия: военные корпуса-оджаки (в первую очередь янычары) и мамлюки, которые соперничали за влияние и верховную власть в стране²³. При этом в XVII в. наблюдается сложная динамика как в соперничестве и успехах этих двух военных элит, так и в их постепенном симбиозе. В ходе этой конкуренции создались более или менее долгосрочные союзы мамлюкских домов с янычарами и другими оджаками, которые также могли услож-

²² Вот почему Джейн Хетэвэй (Hathaway 1995; 1998a; 1998b) предлагает говорить скорее не о концепции неомамлюкского военного режима, а о концепции системы военных домов (households), как чисто мамлюкских, так и организованных по их типу высшими турецкими военными, которые нередко активно вербовали себе личных мамлюков, и в то же время в состав собственно мамлюкских домов входили клиенты из османских оджаков.

²³ Важными факторами, определившими превращение янычар из военных частей в фактическое сословие, были: а) указы, разрешающие наследовать их социальное состояние, которое тем самым превращалось в наследственное; б) тесная интеграция янычар и городских торгово-ремесленных слоев, которым янычары за определенную плату покровительствовали в защите от притеснений, и которые затем сами стали «записываться» в янычары за деньги, чтобы иметь почетное звание и некоторую защиту от произвола. Такие явления наблюдались в Османской империи повсеместно, и Египет не был исключением (см., например: Мейер 2000: 379; Kimche 1968: 455; Петросян 1986; Shaw 1962: 2; Иванов, Орешкова 2000: 89; Marsot 2004: 43–44). По словам Н. А. Иванова (2000: 410), уже в конце XVII в. членами военных подразделений были 77 % всех ремесленников и торговцев Каира, а к 1756 г. и вовсе 89 %, то есть практически все торговцы и ремесленники.

няться союзами с кочевыми племенами (см.: Зеленов 2003: 46). Поэтому, думается, политический строй Египта XVII в. точнее было бы назвать режимом военной олигархии, в котором временами преобладали мамлюки, временами – янычары, но постепенно вектор развития шел к тому, что позиции османских военных ослабели, а мамлюкских домов – окрепли. Возможно, этот результат объясняется более прочными экономическими позициями мамлюков и их местными корнями.

В конце XVII и начале XVIII в. Египет вновь переживал сильное (по определению Иванова, даже беспрецедентное) расстройство хозяйственной жизни и обесценивание денег. Это усилило остроту политических страстей и борьбы между различными силами, как, например, между корпусами турецкой армии (в частности, янычарами с одной стороны и коалицией остальных корпусов – с другой). К этим группам примкнули и вышеупомянутые мамлюкские кланы *Факарийя* и *Касимийя*. Борьба между такими коалициями в 1707–1711 гг. в конце концов закончилась настоящей войной в Каире, где столкновения продолжались с марта по июнь 1711 г. (Иванов 2000: 408–409). В результате этих кровавых событий враждующие корпуса потеряли сначала своих лидеров, а потом утратили и свои позиции, а образовавшийся вакуум вновь заняли мамлюки (Marsot 2004: 44).

В дальнейшем ослабление оджаков заставило турецкое правительство привлекать к различным делам военные силы мамлюков, что способствовало их усилению. Поэтому политическая система *бейликата* вновь приобрела важнейшее значение в жизни Египта и сохраняла его до французской оккупации, причем в еще более выраженном, чем в XVII в., виде, а именно с установлением контроля над всеми семью военными корпусами в Египте и над главными его ресурсами (Marsot 2004: 44; Зеленов 2003: 50). Таким образом, можно согласиться с С. Шоу, что история османского Египта есть история повторяющихся конфликтов между членами военных объединений и между ними и представителями Порты в Египте, конфликтов, в центре которых лежало стремление к контролю над правительственной иерархией и источниками богатства или доходов (Shaw 1962: 3).

4. Третий этап: начало поворота к новому Египетскому государству

События 1711 г. знаменовали начало нового этапа, характеризующегося следующими изменениями: а) тенденцией на полное доминирование мамлюков, превращение их в ведущую военную силу в Египте при одновременном снижении значения турецких военных гарнизонов; б) еще большим упадком власти паши (Crecelius 1998: 61); в) появлением высшей официально признаваемой Стамбулом должности в стране – *шейх-ал-балад*, которую занимали янычарские и мамлюкские лидеры и за которую шло постоянное соперничество (Crecelius 1998: 62); г) усилением тенденции на создание фактически независимой (от Османской империи) политики, однако с не совсем понятным политическим режимом; д) такая ситуация облегчила переход, по выражению Д. Кресилиуса, от господства мамлюкских домов к индивидуальному господству отдельных людей (Crecelius 1998: 59), иными словами, трансформации бейликата от системы олигархического правления к режиму личной диктатуры (иногда в виде дуумвирата или триумвирата).

Система диктатуры изменила с конца 20-х гг. и способ назначения мамлюкских беев-эмиров. Если раньше это как-то контролировалось османскими властями, причем, как правило, ранги присваивались общеегипетским диваном только на год, после чего следовало переутверждение или назначение на другую должность (Ацамба 1991: 119), то затем диктаторы стали продвигать к этим должностям своих офицеров, а то и прямо назначать их (Nathaway 1995: 44; 1998b: 115). В частности, в последние десятилетия XVIII в. большинство черкесских беев было из дома Каздухли (Там же; см. также: Кильберг 1978: 11), хотя до середины XVIII в. ни один его представитель в бейликат не входил и титула бея не носил (Зеленев 2003: 47).

Период 1711–1730 гг. характеризуется мамлюкскими междоусобицами, в ходе которых до этого лидирующая семья Касимийя потеряла свое былое значение, а семья Факарийя после победы над ней распалась на враждующие группы. В результате усилилась третья группировка – семья Каздухли (Каздоглийя), из состава которой и вышел нового типа диктатор Ибрахим-кахья ал-Каздухли²⁴

²⁴ Иногда его имя пишется как Ибрахим-кетхода. *Кахья* и *кетхода* (*кетхуда*) – это синонимы, которые имеют значения, связанные с хозяйственной или административной должностью, одно из них обозначает заместителя: командира корпуса, коменданта крепости, губернатора и т. п. (см.: Мейер 1984).

(1744–1754). При нем, по словам члена русского посольства, губернатор жил «для одного токмо виду» (см.: Мейер 1990: 67), а часто Ибрахим добивался, чтобы место губернатора и вовсе подолгу оставалось вакантным (Кильберг 1978: 11).

Таким образом, после 1730 г. постепенно формируется полунезависимое Египетское государство, периодами лишь номинально признающее сюзеренитет Порты (Иванов 2000: 410), а в отдельные моменты стремящееся и к юридической независимости. Однако такая полунезависимость нуждалась в особой политико-административной системе, которая в Египте после потери суверенитета была утрачена. И ее создание потребовало много времени и жертв. При этом в XVIII в. наблюдается усиление двойственности и параллелизма в должностях, функциях, структурах, формах назначения и т. п. Например, Н. А. Иванов пишет: «Формально мамлюки избирались на все эти руководящие посты. Фактически они приходили к власти путем военного переворота, сопровождавшегося коренным перераспределением всех важнейших государственных должностей» (Иванов 2000: 411)²⁵.

Но в целом основное направление формирования новой политической формы шло в сторону упрочения системы единоличного правления. Последняя укрепляется к середине XVIII в. и в том или ином виде (с периодами переворотов и междоусобиц) держится почти до конца XVIII в. Таким образом, используя выражение Д. Кимхе, в Египте создается новая политическая суперструктура (Kimche 1968). Однако такая система была неизбежно связана с борьбой за власть, которая затихала, как только очередной диктатор упрочивал свои позиции, и вспыхивала вновь после его смерти или в результате его ослабления. Политическая стабилизация более характерна для периода 40–60-х гг., а борьба за власть особенно усиливается в последней трети XVIII в.

Еще более известным диктатором, чем Ибрахим-кахья, был Али-бей ал-Кабир (1760–1772)²⁶, который сделал отчаянную по-

²⁵ Возможно, что возникшее в результате сохранения старых установлений XVI в. и появления новых реалий XVII–XVIII вв. определенное раздвоение реальной и официальной власти в Египте, о котором, в частности, упоминает П. М. Холт (Holt 1969: 71–73), объясняет некоторые расхождения среди историков в трактовке различных систем управления, территориального деления и оценке событий.

²⁶ Ал-Кабир означает «Большой», «Великий».

пытку стать независимым от Турции правителем и возродить славу Мамлюкского халифата, вступив для этого в военный союз с Россией. Он был первым правителем, который попытался реформировать египетскую армию, в том числе с помощью европейцев. Али-бей ал-Кабир пришел в конце концов к пониманию, что для укрепления своего положения ему необходимо уничтожить власть беев (см., например: Marsot 2005: 45; Кильберг 1978) и соответственно режим бейликата. Война Али-бея с Турцией в конце концов закончилась его поражением. При всех недостатках мамлюкского режима, можно согласиться, правление Али-бея ал-Кабира доказало, что военная и политическая власть может быть централизована, даже если лидеры и оказались неспособными отделить Египет от Османской империи (Goldschmidt 2004: 15; Cuno 1992: 28).

Дальнейшие политические события в Египте связаны с борьбой за власть «наследников» Али-бея и правившего за ним Мухаммад-бея Абу-з-Захаба, среди которых особенно стоит упомянуть Мурад-бея и Ибрахим-бея, стоявших у власти, хотя и с большими перерывами, до самого французского вторжения. Они уже не стремились прямо отделить Египет от Турции, однако вовсе перестали присылать туда деньги, что в конце концов привело к военному вторжению Турции в Египет в 1786 г. и временному восстановлению там османской власти (Кильберг 1978: 11). Характерно, что египетские и особенно каирские жители, измученные анархией и бесконечными притеснениями, на первых порах ждали турок как силу, способную, наконец, навести порядок и возродить законность, и оказывали им всяческое содействие. Однако египтяне скоро разочаровались в них, поскольку это были уже другие, чем в период Селима I и Сулеймана I, османы.

Указанные политические изменения в середине и во второй половине XVIII в. совпали с ухудшением экономического положения в стране, чему сильно способствовали конфликты между мамлюками и рост незаконных налогов. Ситуацию ухудшали также бесчинства бедуинских племен, шейхи которых в некоторых провинциях Верхнего Египта были фактически независимыми. В это время, особенно в период между 1780 и 1798 гг., страну неоднократно посещал голод, так что порой жители городов ели собак, кошек и крыс, доходило и до людоедства (ал-Джабарти 1978а,

с. 239; Goldschmidt 2004: 15). Это вместе с различными природными бедствиями привело к существенному сокращению населения и ухудшению экономического положения, в целом к демографическому и экономическому кризису, а также политическому кризису в конце века (см. об ухудшении положения, беззакониях, голоде, например: ал-Джабарты 1978а; Cuno 1992: 30; Иванов 2000)²⁷. Но в то же время наблюдались и положительные экономические тенденции: заметный рост хозяйственной специализации, производства экспортных сельхозкультур (хлопка, сахарного тростника, риса), товарности и коммерциализации экономики, – которые существенно подготовили подъем в XIX в. (см., например: Cuno 1992; 2000).

Все это вело также к большим социальным переменам, которые можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, наблюдалась тенденция превращения мамлюков в настоящее сословие, что выражалось, в частности, в их стремлении закрепить свое господствующее положение в потомстве. Так, если в период Мамлюкского султаната сын мамлюкского эмира только в редких случаях мог присоединиться к высшему классу, то в османский период и особенно в XVIII в. было уже необычайно много случаев, когда дети эмиров достигали высших рангов, каких только мог достичь мамлюк (см.: Ayalon 1960: 156–157; Кильберг 1978: 7). При этом мамлюки из военного и «средне-высшего» по уровню значимости и доходов слоя, каким они стали в результате османских преобразований в XVI в., все более становились военно-собственническим и высшим сословием, владеющим различными выгодными правами, должностями и объектами собственности и наделявшими ими своих «ленников»; все более открыто и помпезно демонстрировали роскошь и «величие» своего существования (см., например: Иванов 2000: 414). И это очень существенно меняло их социальные и поведенческие характеристики.

Во-вторых, с конца XVII в. откупа стали пожизненными вместо прежней системы ежегодных подтверждений, а часто такое право передавалось и по наследству (см., например: Иванов 2000: 414).

²⁷ По разным данным, к 1800 г. население Египта составляло от 3800 до 4500 тыс. человек (McCarthy 1976: 33; Panzac 1987: 15; Raymond 2001: 300). Есть предположения, что за последнюю четверть XVIII в. Египет потерял до 25 % своего населения (Коротаев 2006: 12; см. также: Raymond 1981: 698–699).

Такая система пожизненных откупов называлась *маликяне*, но и термин *ильтизам* продолжал использоваться (Cuno 1992: 27). В XVIII в. мамлюки стали контролировать крупную, в том числе экспортно-импортную, торговлю, так что, по словам А. Марсо, даже образовался мамлюко-купеческий альянс (Marsot 2004; см. также: Gran 1999: 11–12), что на первых порах усилило их позиции (см., например: Marsot 1984: 1).

Но потом торговля наиболее выгодными товарами (такими, как кофе), сократилась, а экономическая конъюнктура в целом ухудшилась (Marsot 2004; Иванов 2000: 414). Доходов не стало хватать, и в то же время для поддержания военной мощи мамлюки должны были закупать дорогостоящее европейское оружие.

В-третьих, поиск необходимых для этого источников доходов привел к существенному изменению экономических и социальных отношений в стране. Некоторые мамлюкские дома разорались и вынуждены были продавать часть своих прав на откупа (см. подробнее: Cuno 1992: 37–47) в основном людям из зажиточных слоев (членам духовной корпорации *улемов* и *а'йанам*, то есть представителям местных городских и сельских элит). Таким образом, выросло экономическое значение средних слоев населения, которые к концу XVIII в. сосредоточили в своих руках до одной трети всех ильтизамов (см.: Иванов 2000: 414) и смогли играть большую роль в дальнейших политических событиях²⁸.

В-четвертых, сокращение доходов вело к тому, что мамлюки-мультазимы увеличивали поборы и незаконные налоги, в результате население забрасывало земли или бежало (по данным Н. А. Иванова [2000: 413], в конце XVIII в. налоги с феллахов в два раза превышали объем налогов с них при Сулеймане I в XVI в.).

В-пятых, эти негативные тенденции, в свою очередь, вызвали повышенную активность духовного сословия улемов (и в целом городских слоев), которые стали деятельно препятствовать в ряде случаев попыткам усилить поборы и вымогательства, вплоть до организации массовых протестов и даже восстаний в городах, что

²⁸ При этом очень важно, что среди них было много этнических арабов-египтян, в значительной мере отстраненных от активной политической жизни, поскольку ведущие должности даже в судебном аппарате до французского вторжения занимали неегиптяне (см.: Кириллина, Рябков 1991: 138).

повышало их роль как социальных посредников между населением и мамлюками (см.: Margsot 2005). Улемы как организованное и образованное (и чисто египетское в этническом плане) сословие яснее осознавали потребности общества, которые заключались в наведении порядка, прекращении внутренних конфликтов, уменьшении налоговой эксплуатации, последствия которой пагубно отражались на экономике страны. Постепенно также росло понимание того, что мамлюкский режим требует изменений.

Реформы и поражение Али-бея ал-Кабира, а затем восстановление власти Турции в Египте в конечном счете показали бесперспективность попыток решить стоящие перед обществом политические задачи без слома старых общественных отношений. Наиболее очевидным это стало в результате французского вторжения (1798–1801). Однако модель создания крепкой единоличной власти утверждается в обществе.

Высадка в Египте 2 июля 1798 г. войск Наполеона Бонапарта и последовавшие за этим военные поражения мамлюков (Тарле 1992: 64–69), по мнению многих исследователей, ознаменовали начало новой эпохи для этой страны (например: Goldschmidt 2004: 19; Lawson 2000; Faksh 1980: 42). Относительно кратковременное пребывание в Египте французских армии и оккупационной администрации, с одной стороны, резко подорвало престиж мамлюков, а с другой – вовлекло часть высших слоев населения Каира в активную политическую деятельность, чем развязало новые общественные силы. И результат не замедлил сказаться в виде появления нового удачливого и энергичного правителя Мухаммада Али.

Заключение

Большинство исследователей справедливо считает, что в период правления Мухаммада Али в Египте (1805–1849) начинается эпоха создания современного государства. Но при оценке важности проведенных Али реформ в работах ряда исследователей нередко выпадает из внимания или игнорируется проблема степени подготовленности Египта к ним, то есть насколько они созрели, насколько общество оказалось восприимчивым к ним, а также почему одни направления деятельности закончились удачей, а другие нет. И поскольку не учитывается важность подготовленности процессов

XIX в. предшествующим развитием, оценка эпохи производится в основном с точки зрения роли личности, субъективных намерений и представлений самого Мухаммада Али (причем оценка деятельности последнего может быть даже и негативной), без учета многих объективных факторов (см. о таких подходах, например: Abbas 2000 и, в частности: Lawson 2000). Между тем, как справедливо замечает Артур Голдшмидт (Goldschmidt 2004: 13), египетская модернизация была результатом политических, социальных и интеллектуальных изменений, которые уже имели место внутри страны и набирали силу в течение длительного времени, а не была обусловлена исключительно внешними воздействиями, тоже, конечно, сыгравшими очень важную роль.

Оценка деятельности Мухаммада Али в этом смысле несколько напоминает оценку преобразований Петра I, которая имела место в XIX в.²⁹ Славянофилы, например, все проблемы современной им России приписывали роковому влиянию реформ Петра, насильно прервавшего истинно русские традиции, а западники, напротив, считали, что всем, что есть хорошего в России, она обязана Петру и сожалели, что он не успел ввести те или иные западные институты (см., например: Шапиро 1993: 392–395, 429).

В результате указанной «субъективизации», возникшей под впечатлением грандиозных преобразований, совершенных Мухаммадом Али за короткий срок, порой создается впечатление, что государственное устройство Египта XVIII в. было совсем примитивным и архаичным³⁰. Но, как мы видели выше, это вовсе не так, иначе бы Египет не являлся наиболее развитой провинцией Османской Порты (см., например: Stecelius 1998: 59). А это превосходство Египта, по моему мнению, во многом как раз и объясняется тем, что и до XIX в. он уже находился на уровне развитого государства, опережая в этом плане большинство османских провинций

²⁹ Вот только одна из великого множества таких оценок: «Петр – это вся Россия; ее плоть и дух, характер и гений, воплощение всех ее добродетелей и пороков». Написано польским историком Казимиром Валишевским в 1887 г. (Валишевский 1993: 5).

³⁰ Подобно тому, как занижалась оценка уровня развития государственного устройства допетровской России, ошибочность чего показал В. О. Ключевский, который, в частности, писал, что весь XVII в. был эпохой, подготовившей преобразования Петра Великого (Ключевский 1937: 393).

(за исключением, может быть, только центра империи, включавшего Стамбул и часть этнической Турции). При этом в целом за время турецкого правления в результате того, что Египет находился в составе огромной Османской империи и был связан с другими провинциями, политическая культура египетской элиты превзошла то, что было в Мамлюкском султанате (Hathaway 1998b: 117).

Также, думается, прав Даниэл Кресилиус, когда он подчеркивает, что в серии сепаратистских движений в XVIII в. в Османской империи очень немногие провинции имели такую экономику и политические потенции, которые позволили бы им выжить как независимым странам. Он указывает, что в борьбе за самостоятельность Египта Али-бей ал-Кабир опирался на уникальные египетские силы, включавшие национальное самосознание и долгий исторический опыт в качестве центра великой империи, мощное сельское хозяйство и коммерческую базу, а также военные традиции среди правящей мамлюкской элиты (Crecelius 1981: 8)³¹.

Можно также согласиться с Кеннетом Куно, когда он возражает против слишком резкого противопоставления «оттоманского» и «современного» периодов истории Египта, а настаивает на том, что

³¹ Ф. М. Ацамба и И. М. Смилянская (2004: 77), сравнивая режим мамлюков в Египте и политический режим в центре Османской империи в конце XVIII в. по степени развитости, однозначно отдают первенство последнему, поскольку в нем наблюдались процессы бюрократизации государственной службы, отказа от использования в ней рабов, начинались военные реформы, в то время как мамлюки стремились к расширению рынка рабов, у них отсутствовали формы легитимизации правителей, господствовали личные отношения и т. д. Во многом, конечно, это верно. Действительно, политическая система, основанная на политическом и военном господстве мамлюков, изжила себя и должна была быть заменена. Но, тем не менее, думается, что тут налицо заметное преувеличение архаичности мамлюкской политической системы, возможно из-за ее экзотичности, и недоучет степени зрелости египетского общества, способного позитивно воспринять реформы. С другой стороны, не принимается во внимание, что если египетское общество в конце XVIII в. по степени развития стало опережать политическую систему, то турецкое общество, напротив, было слабо сформировано, отставало от развития государства, которое не смогло его «вытащить». Это была одна из причин, объясняющих неожиданный рывок Египта в первые десятилетия XIX в. и кризис в Турции в это же время. Иначе неудачи реформ законного, легитимного султана Селима III (1789–1807) в Турции, опирающегося на бюрократическое государство, и успех таких реформ нелегитимного узурпатора Мухаммада Али в Египте надо объяснять только личными качествами реформаторов, что, думается, не совсем правильно.

между этими эпохами существует большая преемственность, чем часто полагают (Cuno 1992: XV).

С позиции теории развитого государства трансформацию Египта в первой половине XIX в. в результате реформ Мухаммада Али можно оценить как переход в рамках одной стадии государственности – развитого государства – от первого ее этапа ко второму, когда все черты развитого государства проявляются уже в полной мере и в системе, а архаика в основном уходит³².

Но без достаточно высокого уровня экономического, социального и политико-административного развития Египта к началу XIX в. реформы Мухаммада Али едва ли вообще могли иметь место и уж тем более вряд ли оказались бы достаточно успешными. Исходя из сказанного, при оценках политического и экономического кризиса Египта в конце XVIII в. следует отойти от традиционных трактовок ситуации только как простой деградации (например: Kimche 1968: 448; Issawi 1947: 12; 1963: 19), которые нередки и сегодня (например: Ланда 2005: 121; см. об этом также: Goldschmidt 2004: 12). Во всяком случае, масштабы и трагические последствия кризиса, как правило, основательно и ярко освещаются исследователями, тогда как глубинные процессы социальной и политической трансформации египетского общества в это время остаются в тени или вовсе «за кадром» (в качестве примера такого «перекоса» см.: Иванов 2000; Ацамба, Смилянская 2004). По моему представлению, кризис этого времени носил очевидные черты именно эволюционного кризиса, в результате преодоления которого страна могла совершить качественный прорыв в развитии³³. Возможно, именно такая природа кризиса и обусловила его затяжной и исключительно тяжелый характер.

Ослабление Турции и увеличение степени фактической автономии Египта в XVIII в. не только нарушили социально-полити-

³² Напомню, что эта теория выделяет три этапа стадии развитого государства: архаический, типичный, переходный.

³³ Этот кризис в этом смысле походил на тяжелые периоды в развитии России в начале XVII в., Китая – в первой половине XVII в., самой Османской империи – в конце XVIII и первые десятилетия XIX в., Франции – периода Фронды в середине XVII в. и ряда других, которые имеют общим то, что, во-первых, государства сумели, так или иначе, их преодолеть без дезинтеграции, а, во-вторых, выход из кризиса открыл начало мощных качественных преобразований, совершившихся в течение ближайшего столетия.

ческий баланс в стране, но и фактически поставили перед египетской политико-административной системой задачи обеспечения нового порядка и единства в условиях значительной автономии, адекватно решить которые она длительное время была не в состоянии. Поэтому вторую половину XVIII в. можно в определенном аспекте рассматривать как переход от одной государственной системы к другой (см. об идеях структурной трансформации в XVIII в., например: Сипо 2000: 94–95). А поскольку при переходе всегда или часто могут быть заметные кризисные явления, их неправильно трактовать только как признаки упадка и деградации, но нужно рассматривать и как показатель важной трансформации общества.

В развитом государстве должен соблюдаться баланс между социальной и политико-административной системой; и при ослаблении одной части возрастает роль другой, что находит свое отражение во времена подобных кризисов. В этом плане Египет XVIII в., несомненно, демонстрирует наряду с падением законности и другими признаками деградации старой политической системы также повышение роли социальных сил, в частности духовного сословия *улемов* (см.: Marsot 2005), зажиточной верхушки горожан и сельских жителей (*а'йанов*) да и самих мамлюков, в том числе и в попытках решения важных государственных вопросов, и поисках новых форм решения социальных и административных проблем. Таким образом, египетское общество не деградирует полностью, а ищет выход из кризиса путем перестройки или консолидации сил. В нем нарастает потребность создания новой модели управления. Здесь напрашивается параллель с поведением российского общества во время Смуты в начале XVII в., которое также сумело найти в себе силы консолидироваться в условиях анархии и воссоздать заново политическую систему, причем с заметными улучшениями.

Прообраз новой политической модели существенно оформился в период правления сначала Ибрахима-кахьи (1744–1754), а затем Али-бея ал-Кабира (1760–1772). Как выразился Питер Грэн (Gran 2005: 30), Али-бей грубо наметил контуры Египетского государства на практике. Это была форма единоличной власти, способной централизовать страну и привести враждующие силы к повиновению, в том числе и путем жестких и репрессивных мер. Модель

единоличного правления в дальнейшем оказала воздействие на изменение формы политического режима в Египте в начале XIX в. (см. о некоторых параллелях: Marsot 2005: 45; Кильберг 1978; Иванов 2000: 417–418).

Али-бей столкнулся с необходимостью проведения военных и политических реформ, успешно реализовать которые он не сумел. Однако сама попытка реформирования военной и административно-политической сферы дала и Египту в целом, и непосредственно Мухаммаду Али важный исторический опыт³⁴. Этот опыт, в частности, помог понять, что главным препятствием на пути реформ стали сами мамлюки, которые прежде были движущей силой развития Египта. А осознание невозможности реформ на старой социальной и элитарной базе общества и определило глубину разрыва со старой традицией (как у Петра, так и у Мухаммада Али).

Таким образом, в конце XVIII в. Египет подошел к рубежу, преодолев который, он мог, наконец, совершить эволюционный рывок. И он его сделал в эпоху Мухаммада Али, как только для этого сложились минимально подходящие условия.

* * *

Историческую динамику развития османского Египта (и даже в целом историю Египта за последние две тысячи лет) можно рассмотреть с точки зрения колебаний и флуктуаций, в результате которых, образно говоря, вперед выходила то политико-административная, то социальная сторона, а затем отставшая часть нагоняла и опережала другую (или, наоборот, вырвавшаяся сфера опять опускалась по уровню развития до той подсистемы, от которой оторвалась). В такой модели анализа представляется, что в XVI в. в результате изменений в Египте, совершенных при Сулеймане I (в частности, введения в нем, согласно *Канун-наме Миср*, новой системы управления), в египетском обществе политико-административная сторона выходит далеко вперед. Затем постепенно в связи как с ослаблением османского государственного порядка и

³⁴ Подобный тому, что имела Россия во времена Петра в результате не особенно удачных реформ при Алексее Михайловиче в России в XVII в., а также при Федоре Михайловиче и Софье (см.: Ключевский 1937: 344–394).

переходом власти в Египте в руки военных группировок и диктаторов, так и с описанными выше социально-экономическими процессами (включая переход к откупам и усиление налогового пресса, упадок крупной торговли и др.) социальная сторона начинает опережать политическую. Последнее выразилось в усилении макросоциальных связей в обществе.

Чтобы лучше понять этот процесс, стоит задуматься, почему в последней кризисной четверти XVIII в. страна не распалась на отдельные территории, как это обычно бывает во время феодальных смут? Ведь, казалось бы, все благоприятствовало такому «распадному» сценарию. Масштаб кризиса был огромным, поскольку в этот период совпали неурожай, голод, чума, смены правительств, военные перевороты, вторжение турок, ухудшение экономической конъюнктуры и т. д. и т. п. Легитимных претендентов на власть не было, но зато имелось множество частных военных отрядов и «феодальных» домов. На мой взгляд, от распада Египет во многом удержали именно достаточно развитые социальные отношения, включая и общеегипетский характер мамлюкского сословия, и консолидацию городских корпораций, и возросшую роль улемов в плане социального посредничества (Marsot 2005), а также самосознание египтян, привыкших видеть страну единой. Эти силы во многом оказали поддержку и Мухаммаду Али. Противоположную этому ситуацию в это и в последующее время можно видеть в соседней Сирии, которая была очень далека от единства (см.: Зеленев 2003).

Далее в результате реформ Мухаммада Али в XIX в. государственная сторона начинает существенно опережать социальную. Но в конце XIX в. во время английской оккупации маятник опять пошел в другую сторону (см. подробнее: Гринин 2006в).

Литература

Алаев, Л. Б. (ред.). 1982. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века.* М.: Наука.

Алаев, Л. Б., Ашрафян, К. З., Иванов, Н. И. (ред.). 2000. *История Востока: В 6 т. Т. III. Восток на рубеже средневековья и Нового времени. XVI–XVIII вв.* М.: Вост. лит-ра.

ал-Джабарти, 'Абд Ар-Рахман.

1978а. *Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776–1798)*. М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры.

1978б. *Египет под властью Мухаммада Али (1806–1821)*. М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры.

Ацамба, Ф. М. 1991. Система административного управления египетской провинции Османской империи (XVI–XVII вв.). В: Смелянская, Котовский 1991: 109–128.

Ацамба, Ф. М., Смелянская, И. М. 2004. Египет в процессе формирования самостоятельной государственности. В: Алаев, Л. Б., и др. (ред.), *История Востока*: В 6 т. Т. IV. Кн. 1. *Восток в Новое время (конец XVIII–XX вв.)* (с. 76–78). М.: Вост. лит-ра.

Бенгтсон, Г. 1982. *Правители эпохи эллинизма* / пер. с нем. М.: Наука.

Большаков, О. Г. 1989. *История Халифата*. Т. 1. *Ислам в Аравии (570–633)*. М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры.

Валишевский, К. 1993. *Петр Великий*. М.: СП «Квадрат».

Васильев, А. М. (отв. ред.). 1990. *Арабская Республика Египет*: справочник. М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры.

Гринин, Л. Е.

2006а. О стадиях эволюции государства. Проблемы теории. *История и современность* 1: 3–45.

2006б. От раннего к зрелому государству. В: Гринин, Л. Е., Бондаренко, Д. М., Крадин, Н. Н., Коротаев, А. В. (ред.), *Раннее государство, его альтернативы и аналоги* (с. 523–556). Волгоград: Учитель.

2006в. Трансформация государственной системы Египта в XIX – начале XX в.: от развитого государства к зрелому. В: Логунов 2006: 123–132.

2007а. *Государство и исторический процесс: Эпоха формирования государства*. М.: КомКнига.

2007б. *Государство и исторический процесс: От раннего государства к зрелому*. М.: КомКнига.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2007. Политическое развитие Мир-Системы: формальный и количественный анализ. В: Малков, С. Ю., Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. (ред.), *История и Математика: макроисторическая динамика общества и государства* (с. 49–101). М.: КомКнига.

Зеленев, Е. И.

1999. *Египет: Средние века. Новое время*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.

2003. *Государственное управление, судебная система и армия в Египте и Сирии (XVI – начало XX века)*. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та.

Иванов, Н. А.

1982. О типологических особенностях арабо-османского феодализма. В: Алаев 1982: 133–149.

1984. *Османское завоевание арабских стран 1516–1574*. М.: Наука.

1993. Организация шариатской власти и административно-хозяйственного аппарата в Османской империи XVI–XVII вв. В: Иванов, Н. А. (ред.), *Феномен восточного деспотизма: структура управления и власти* (с. 234–261). М.: Наука.

2000. Османский Египет и североафриканские вилайеты в XVIII в. В: Алаев, Ашрафян, Иванов 2000: 407–438.

Иванов, Н. А., Орешкова, С. Ф. 2000. Османская империя в XVI–XVII вв. В: Алаев, Ашрафян, Иванов 2000: 67–98.

Кадырбаев, А. Ш. 2006. Царица Египта Шаджарат ад-Дурр: 1249–1250 гг. (Повествование о тюркской рабыне, ставшей императрицей и основательницей государства Мамлюков). В: Логунов 2006: 108–112.

Кильберг, Х. И. 1978. Предисловие. В: ал-Джабарты 1978а: 5–22.

Кириллина, С. А., Рябков, М. Г. 1991. Система управления и мусульманское судопроизводство Египта в период экспедиции Наполеона I Бонапарта (1798–1801). В: Смилянская, Котовский 1991: 129–145.

Ключевский, В. 1937. *Курс русской истории*. Ч. 3. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во.

Корогаев, А. В. 2006. *Долгосрочная политико-демографическая динамика Египта: циклы и тенденции*. М.: Вост. лит-ра.

Курбатов, Г. Л. 1967. Образование Византии. Территория, природные условия и население. В: Удальцова, З. В. (ред.), *История Византии*. Т. 1 (с. 66–75). М.: Наука.

Ланда, Р. Г. 2005. *История арабских стран*. М.: Вост. ун-т.

Логунов, А. П. (отв. ред.). 2006. *Египет, Ближний Восток и глобальный мир*. М.: Кранкэс.

Мейер, М. С.

1984. Новые тенденции в социально-политической жизни Османской империи XVII–XVIII вв. (на примере института кетхуды). В: Смилянская, И. М. (ред.), *Государственная власть и общественно-политические*

структуры в арабских странах (История и современность) (с. 32–50). М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры.

1990. Кризис османских имперских порядков: меняющиеся отношения центра и периферии в XVIII в. В: Орешкова, С. Ф. (ред.), *Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура* (с. 66–80). М.: Наука.

2000. Османская империя в XVIII в. В: Алаев, Ашрафян, Иванов 2000: 375–389.

Мишин, Д. Е. 2006. Египет под властью Сасанидов (619–629 гг.). В: Логунов 2006: 102–107.

Орешкова, С. Ф. 1982. Османский феодализм: типологические наблюдения. В: Алаев 1982: 111–132.

Петросян, И. Е. 1986. Янычарские гарнизоны в провинциях Османской империи в XVI–XVIII вв. В: Орешкова, С. Ф. (ред.), *Османская империя. Система государственного управления, социальные и этнорелигиозные проблемы* (с. 66–71). М.: Наука. Главная ред. вост. лит-ры.

Свенцицкая, И. С. 1989. Эллинистический Египет. В: Свенцицкая, И. С. (ред.), *История древнего мира*. Кн. 2. *Расцвет древних обществ* (с. 303–316). М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры.

Семенова, Л. А.

1966. *Салах Ад-Дин и мамлюки в Египте*. М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры.

1974. *Из истории фатимидского Египта*. М.: Наука, Главная ред. вост. лит-ры.

1982. Особенности феодализма в Египте. В: Алаев 1982: 100–110.

1995. Государства Фатимидов и Аййубидов. В: Алаев, Л. Б., Ашрафян, К. З. (ред.), *История Востока*. Т. 2. *Восток в средние века* (с. 233–239). М.: Вост. лит-ра.

Смилянская, И. С., Котовский, Г. Г. (ред.). 1991. *Восток в новое время. Экономика, государственный строй*. М.: Наука.

Тарле, Е. В. 1992. *Наполеон*. М.: Пресса.

Тверитинова, А. С. 1969. Канун-наме султана Селима I и его место в законодательстве Османской империи: предисловие. *Книга законов султана Селима I* (с. 5–17). М.: Главная ред. вост. лит-ры.

Шапиро, А. Л. 1993. *Русская историография с древнейших времен до 1917 г.* М.: Культура.

Эдаков, А. В. 2004. Египетское государство в VII–IV вв. до н. э. В: Грантовский, Э. А., Степугина, Т. В. (ред.), *Государство на Древнем Востоке* (с. 187–203). М.: Вост. лит-ра.

Abbas, R. (ed.). 2000. *Egypt under Muhammed Ali*. Cairo: al-Maglis al-'A'la li-l-Tha-qafah.

Ayalon, D.

1953a. Studies on the Structure of the Mamluk Army – I. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, University of London, 15 (2): 203–228.

1953b. Studies on the Structure of the Mamluk Army – II. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, University of London, 15 (3): 448–476.

1954. Studies on the Structure of the Mamluk Army – III. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, University of London, 16 (1): 57–90.

1960. Studies in Al-Jabarti I. *Journal of the Economic and Social History of the Orient* 3: 148–175.

Baer, G.

1962. *A History of Landownership in Modern Egypt 1800–1950*. London: Oxford University Press.

1969. *Studies in the Social History of Modern Egypt*. Chicago and London: The University of Chicago Press.

Bargatzky, T. 1987. Upward Evolution, Suprasystemic Dominance, and the Mature State. In Claessen, H. J. M., and van de Velde, P. (eds.), *Early State Dynamics* (pp. 24–38). Leiden: Brill.

Barkan, O., and McCarthy, J. 1975. The Price Revolution of the Sixteenth Century: A Turning Point in the Economic History of the Near East. *International Journal of Middle East Studies* 6 (1): 3–28.

Chamberlain, M. 1998. The Crusader Era and the Ayyūbid Dynasty. In Petry 1998: 211–241.

Claessen, H. J. M.

1978. The Early State: A Structural Approach. In Claessen and Skalnik 1978c: 533–596.

1984. The Internal Dynamics of the Early State. *Current Anthropology* 25: 365–379.

1985. From the Franks to France; The Evolution of a Political Organization. In Claessen H. J. M., van de Velde P., and Smith M. E. (eds.), *Developments and Decline. The Evolution of Sociopolitical Organization* (pp. 196–218). South Hadley MA: Bergin & Garvey.

Claessen, H. J. M., and Oosten, J. G. 1996. Introduction. In Claessen, H. J. M., and Oosten, J. G. (eds.), *Ideology and the Formation of Early States* (pp. 1–23). Leiden: Brill.

Claessen, H. J. M., and Skalník, P.

1978a. Limits: Beginning and End of the Early State. In Claessen and Skalník 1978c: 619–636.

1978b. The Early State: Theories and Hypotheses. In Claessen and Skalník 1978c: 3–29.

1978c (eds.). *The Early State*. The Hague: Mouton.

Cohen, R. 1978. State Origins: A Reappraisal. In Claessen and Skalník 1978c: 31–75.

Crececius, D.

1981. *The roots of modern Egypt*. Minneapolis & Chicago: Bibliotheca Islamica.

1998. Egypt in the Eighteenth Century. In Petry 1998: 59–86.

Cuno, K.

1985. *Landholding, society and economy in Rural Egypt, 1740–1850*. Los Angeles: University of California.

1992. *The Pasha's peasants. Land, society, and economy in Lower Egypt, 1740–1858*. Cambridge: Cambridge University press.

2000. Muhammad Ali and the decline and revival thesis in modern Egyptian history. In Abbas 2000: 93–119.

Daly, M. (ed.). 1998. *The Cambridge History of Egypt*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press.

Faksh, M. A. 1980. The consequence of the introduction and spread of modern education: education and national integration in Egypt. In Kedourie, E., and Haim, S. (eds.), *Modern Egypt Studies in politics and society* (pp. 42–55). Frank Cass.

Garsin, J.-C. 1998. The Regime of the Circassian Mamlüks. In Petry 1998: 290–317.

Goldschmidt, Ar. Jr.

1994. *Historical dictionary of Egypt*. Metuchen, N.J.: The Scarecrow Press Inc.

2004. *Modern Egypt. The Formation of a Nation-State*. Boulder: Westview Press.

Goldstone, J. 1988. East and West in the Seventeenth Century: political crises in Stuart England, Ottoman Turkey and Ming China. *Comparative Studies in Society and History* 30: 103–142.

Gran, P.

1999. *Islamic Roots of Capitalism. Egypt, 1760–1840*. Egypt. Cairo: The American University in Cairo Press.

2005. Egypt and Italy, 1760–1850: Toward a Comparative History. In Hanna, and Abbas 2005: 11–40.

Grinin, L., and Korotayev, A. 2006. Political Development of the World System: A Formal quantitative analysis. In Turchin, P., Grinin, L. E., de Munck, V. C., and Korotayev, A. V. (eds.), *History & Mathematics: Historical Dynamics and Development of Complex Societies* (p. 63–114). Moscow: KomKniga.

Hanna, N.

1995a. Administration in Egypt from Ottoman Times to the Present: an Introduction. In Hanna 1995c: 1–16.

1995b. The Administration of Courts in Ottoman Cairo. In Hanna 1995c: 44–59.

1995c. *The State and its Servants. Egypt*. Cairo: The American University in Cairo Press.

Hanna, N., and Abbas, R. (eds.). 2005. *Society and Economy in Egypt and the Eastern Mediterranean 1600–1900*. Cairo: The American University in Cairo Press.

Hathaway, J.

1995. The Military Household in Ottoman Egypt. *International Journal of Middle East Studies* 27 (1): 39–52.

1997. *The Politics of Households in Ottoman Egypt. The Rise of the Qazdağlis*. Cambridge: Cambridge University Press.

1998a. Egypt in the Seventeenth century. In Daly 1998: 34–58.

1998b. ‘Mamluk households’ and ‘Mamluk factions’ in Ottoman Egypt: a Reconsideration. In Philipp, Th., and Haarmann, U. (eds.), *The Mamluks in Egyptian politics and society* (pp. 106–117). Cambridge: Cambridge University Press.

Holt, P. M.

1961. The Beylicate in Ottoman Egypt during the Seventeenth Century. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London* 24 (2): 214–248.

1968. The Pattern of Egyptian political history from 1517–1798. In Holt, P. M. (ed.), *Political and social change in Modern Egypt. Historical studies from the Ottoman Conquest to the United Arab Republic* (pp. 79–90). London: Oxford Press.

1969. *Egypt and the Fertile Crescent 1516–1922. A Political History*. Ithaca, New York: Cornell University Press.

Hunter, R. 1999. *Egypt under the Khedives 1805–1879. From Household Government to modern Bureaucracy. Egypt*. Cairo: The American University in Cairo Press.

Issawi, Ch.

1947. *Egypt: an economic and social analysis*. London; New York: Oxford University Press.

1963. *Egypt in Revolution. An economic analysis*. London; New York: Oxford University Press.

Kimche, D. 1968. The Political Superstructure of Egypt in the Late Eighteenth Century. *Middle East Journal* 22: 448–462.

Lawson, F. 2000. Persistent Myths about the Muhammad Ali Period. In *Abbas 2000*: 5–31.

Marsot, A.

1984. *Egypt in the Reign of Muhammad Ali*. Cambridge: Cambridge University Press.

2004. *A Short History of Modern Egypt*. Cambridge: Cambridge University Press.

2005. Power and Authority in Late Eighteenth-Century Egypt. In *Hanna and Abbas 2005*: 41–50.

McCarthy, J. A. 1976. Nineteenth-Century Egyptian Population. *Middle Eastern Studies* 12 (3): 1–39.

McNeill, W. H. 1998. *Plagues and Peoples*. New York – London: Anchor books, Doubleday.

Northrup, L. 1998. The Bahrī Mamlūk Sultanate, 1250–1390. In *Petry 1998*: 242–289.

Panzac, D. 1987. The Population of Egypt in the nineteenth century. *Asian and African Studies* 21: 11–32.

Petry, C. F. (ed.). 1998. *The Cambridge History of Egypt*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.

Philipp, Th. 1998. Personal loyalty and political power of the Mamluks in the eighteenth century. In Philipp, Th., and Haarmann, U. (eds.), *The Mamluks in Egyptian politics and society* (p. 118–127). Cambridge: Cambridge University Press.

Piterberg, G. 1990. The Formation of an Ottoman Egyptian Elite in the 18th Century. *International Journal of Middle East Studies* 22 (3): 275–289.

Raymond, A.

1981. The Economic Crisis of Egypt in the Eighteenth Century. In Udovitch, A. (ed.), *The Islamic Middle East, 700–1900* (pp. 687–707). Princeton: The Darwin Press.

2001. *Cairo City of History*. The American University in Cairo Press.

Shifferd, P. A. 1987. Aztecs and Africans: Political Processes in Twenty-Two Early States. In Claessen, H. J. M., and van de Velde, P. (eds.), *Early State Dynamics* (pp. 39–53). Leiden: Brill.

Shaw, S. 1962. *The Financial and Administrative Organization and Development of Ottoman Egypt 1517–1798*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

Weber, M. 1947. *The Theory of Social and Economic Organization*. New York: Free Press.

Winter, M.

1992. *Egyptian society under Ottoman rule 1517–1798*. London; New York: Routledge.

1998. Ottoman Egypt, 1525–1609. In Daly 1998: 1–23.